

мы действительно дистанцируемся от темы смерти, но только для того, чтобы позже приблизиться к ней. А «приблизиться» человеку к этой теме очень важно, потому что только человек имеет проблемы со смертью. Смерть с человеком никаких проблем не имеет.

Но что означает свобода для смертного существа? Планеты не обладают свободой решать, вращаться им в правую или в левую сторону, животное не обладает свободой отказаться от преследования добычи. Природа подчиняется необходимости. Также человек подчиняется необходимости, но его «необходимость» не является только природной необходимостью. Человек подчиняется ещё и внутренней необходимости. По этой причине мы называем её свободой. Об этой «неприродной» необходимости и пойдёт речь в данной лекции.

3.1 По следам философской мысли о свободе

Свой анализ проблемы человеческой свободы я начну с этической концепции I. Kant(a). И это для историка уже довольно смелый шаг, потому что, когда историки или теоретики истории, а именно так я себя и воспринимаю, берутся за анализ «философской тематики», то это не всегда вызывает восторг у философов. Но я позволю себе это сделать. Более того, я возьму на себя смелость заявить, что принципы нравственной философии I. Kant(a) позволяют себя раскрыть с помощью одного, но ключевого, понятия кантовской философии — понятия «Pflicht», т. е. «долга».

Замечу вначале, что понятие «долга» содержит в себе с необходимостью элемент *принуждения*. Если кто-то делает что-то с громадным удовольствием (ест мороженое), то он делает это именно с «громадным удовольствием», но не из «чувства долга». Долг, однако,

предполагает, что человек ставит к себе требования и принуждает *себя* к определённой деятельности.

При этом фактор принуждения должен иметь под собой не *внешнюю*, а *внутреннюю* причину. Если человека «поступать по долгу» вынуждают не *внутренние мотивы*, а внешние угрозы («ты сейчас же поможешь маме, а иначе...»), то человек в этом случае будет возможно формально действовать «в соответствии с долгом», но никак не «по долгу», т. е. действовать, подчиняясь *внешнему* давлению, а не *внутренней* необходимости.

Поступать «по долгу» в состоянии только существо *автономное*, *добровольно* следующее *внутренней* необходимости. Долг, таким образом, содержит в себе не только элемент «необходимости», но и элемент «свободы».

Однако, возразят нам, также преступник действует *автономно*, исходя из своей «внутренней необходимости» и преследуя при этом свои эгоистичные цели. По этой причине далеко не каждое *автономное* действие является автоматически действием *нравственным*. Последнее должно основываться на *нравственном законе*. А это означает, что *нравственная* личность действует не только *автономно*, но она подчиняет свои действия *нравственному* закону.

Таким образом мы, следуя Kant(y), шаг за шагом ограничиваем понятие *долг*, исключая те критерии, которые ему не присущи и приходим к выводу, что долг «есть необходимость [совершения] поступка из уважения к закону»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ «Pflicht ist die Notwendigkeit einer Handlung aus Achtung fürs Gesetz». Kant, I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hamburg 1994. S.18.

Поступать по долгу означает действовать в соответствии с моральным законом. В *нравственном* действии «внутренняя необходимость» совпадает с «внешней необходимостью», т. е. предполагает, что человек следует той максиме, которая может стать «общим законом для всех разумных существ»¹⁰¹.

При этом *МОТИВЫ* нравственных действий, по Kant(y), никак не должны зависеть от субъективных склонностей, желаний и намерений человека, а должны определяться принципами «чистого» разума, т. е. принципами a priori, которые у Kant(a) являются не только принципами человеческого познания, но и принципами нравственности. В нравственной философии Kant(a) таким безусловным принципом является принцип ДОБРОЙ ВОЛИ, который гласит, что

«нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли»¹⁰².

Надо заметить, что русский язык содержит в себе особое слово, которое в нашей повседневной жизни не воспринимается во всей полноте его значения — это слово *добровольность*. В немецком языке существует аналогичное слово «freiwillig», которое, однако, обозначает «свободную», но ещё не «добрую» волю. «Свободная» воля не является автоматически «доброй». А русское слово *добровольный* указывает на то, что здесь речь идёт о действии не только *вольном*, но и *добром*, т. е. сделанным по *доброй воле* — *добровольном*.

¹⁰¹ «ich soll niemals anders verfahren als so, daß ich auch wollen könne, meine Maxime solle ein allgemeines Gesetz werden». Kant, I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. S. 20.

¹⁰² Kant, I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. S.

Если каждая индивидуальная воля будет стремиться слиться с ДОБРОЙ ВОЛЕЙ, то человечество сможет достичь «царства целей», считает Kant. Разумная природа, говорит он, тем и отличается от всякой другой природы, что она в состоянии самой себе ставить *разумные* цели. Только *разумное* существо способно осознать дифференцию между состоянием, которое *есть* и тем, которое *должно быть*, т. е. способно стремиться к «царству целей».

И суть морали состоит «в отношении всякого поступка к законодательству, благодаря чему только и возможно царство целей», когда каждый в отдельности поступает в соответствии с моральным законом. Но важно, чтобы это законодательство существовало не само по себе, а «всегда было налицо в самом разумном существе и могло возникать из его воли...»¹⁰³.

Философская конструкция Kant(a) поражает своей логичностью, разумностью и последовательностью. Но в ней отсутствует, однако, одна немаловажная деталь, касающаяся вопроса *мотивации* нравственных действий. Kant не даёт нам ответа на вопрос, *почему* человек должен следовать нравственному закону? Но

«кто сказал вам, что существуют законы, которым должно подчиняться наше поведение? Кто сказал вам, что должно происходить то, чего никогда не происходит? Что даёт вам право заранее принимать это и согласно тому тотчас навязывать нам, как единственно возможную, этику в законодательно-

¹⁰³«Moralität besteht also in der Beziehung aller Handlung auf die Gesetzgebung, dadurch allein ein Reich der Zwecke möglich ist. Diese Gesetzgebung muß aber in jedem vernünftigen Wesen selbst angetroffen werden und aus seinem Willen entspringen können...». Kant, I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. S. 57.

повелительной форме?»¹⁰⁴ — ставит свой вопрос ребром Schopenhauer, который даже заподозрил Kant(a) в том, что тот в новых одеждах пытается «протащить» в философию старую религиозную мораль, требующую от человека беспрекословного подчинения закону.

ФИЛОСОФИЯ ШОПЕНГАУЭРА

Schopenhauer вовсе не отрицает того факта, что человек является существом *разумным*, но он и не считает «разумность» определяющим качеством человека — существа *смертного*, зависимого от инстинктов, одним словом, *природного*. И здесь я очень коротко останавлиюсь на философии Schopenhauer(a). Его философию доминируют три темы: (1) мир как представление, (2) мир как воля и (3) мир как страдание.

В первом пункте Schopenhauer полностью перенимает тезис Kant(a) о том, что мир человека есть его представление о нём. Без сомнения, мир существует независимо от человека, но человеку этот мир доступен лишь как его представление или в его представлениях.

Но далее Schopenhauer ставит вопрос о первопричине человеческих представлений и находит её в ВОЛЕ, которая лежит в основе всех человеческих действий. Воля есть слепое бессознательное *побуждение* человека, которое (про)являет себя во всём живом.

¹⁰⁴ «Wer sagt euch, daß es Gesetze giebt, denen unser Handeln sich unterwerfen *soll*? Wer sagt euch, daß *geschehen soll*, was *nie geschieht*? — Was berechtigt euch, dies vorweg anzunehmen und demnächst eine Ethik in legislatorisch-imperativer Form, als die allein mögliche, uns sofort aufzudringen?» Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik in 2 akad. Preisschriften: 2. Preisschrift über die Grundlage der Moral. Hamburg: Meiner 1979. S. 18. (В переводе см: Шопенгауэр, А. Две основные проблемы этики. // Шопенгауэр, А. «Свобода воли и нравственность». В переводе и под ред. Ю. И. Айхенвальда. — М.: «Республика», 1992).

ВОЛЯ присуща как животному, так и растительному миру, так что любое движение, формирование, существование есть ничто иное как проявление ВОЛИ, которая преследует лишь одну цель — *жить*. Это слепое, стихийное и инстинктивное побуждение к жизни доминирует как разум, так и действия человека, инструментализируя его в своих целях, о чём более всего свидетельствует зависимость человека от его сексуальных влечений. Мир есть ВОЛЯ.

ВОЛЯ не знает никаких границ. Она порождает всё новые и новые желания, принося этим человеку одни лишь страдания. Человек в состоянии избавиться от этих страданий, лишь преодолев свою зависимость от ВОЛИ и познав самого себя. Отсюда и шопенгауэровское «*Erkenne die Wahrheit in dir!*» («Познай правду в себе!»).

Но именно на основе «страдания» у человека возникло такое глубоко нравственное ЧУВСТВО как чувство сострадания (*Mitleid*) к другому человеку, которое не только образует основу нравственной концепции Schopenhauer(a), но и ставит под вопрос широко распространённое мнение о нём как о законченном *пессимисте*.

Пессимист Schopenhauer верит в то, что благополучие и страдание *другого* могут, если я только преодолею свой *эгоизм*, стать непосредственным *мотивом* моих действий, что *другой* может стать «последней целью моей воли, точно также, как и я ей являюсь»¹⁰⁵.

И эта, с точки зрения его философии ВОЛИ, необъяснимая «мотивация» действительно проявляет себя в повседневной жизни человека — в его чувстве СОСТРАДАНИЯ, суть которого заключается в способности воспринимать страдания другого как свои собственные. Это

¹⁰⁵ «daß jener Andere der letzte Zweck meines Willens wird, ganz sonst ich selbst es bin» Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik. a. a. O., S. 105.

сострадание является, по Schopenhauer(y), «единственным действительным базисом всякой *свободной* справедливости и любой *настоящей* человеческой любви»¹⁰⁶ Способность человека к состраданию Schopenhauer называет «erstaunenswert, ja, mysteriös... das große Mysterium der Ethik, ihr Urphänomen und der Grenzstein»¹⁰⁷ (достойной изумления, загадочной способностью, большой мистикой этики, её первопричиной и даже её пограничным камнем).

В нравственной философии Schopenhauer(a) присутствует, хоть и мистический, но *мотив*, побуждающий человека к нравственному действию. А «что» *мотивирует* человека к действию в кантовской философии? Неужели Kant не понимает, спрашивает Schopenhauer, что никакое человеческое действие не может быть осуществлено без достаточной мотивации — точно также, как не может придти в движение без соответствующего толчка лежащий камень¹⁰⁸.

Kant выводит необходимость действия в соответствии с долгом... из самого долга, констатирует Schopenhauer:

«И вот, чтобы всё-таки обосновать эти понятия, он (Kant. — АБ) не останавливается перед утверждением, что само понятие обязанности должно быть также и основанием её выполнения, т. е. обязующим принципом»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Dieses Mitleid ist ganz allein ist die wirkliche Basis aller *freien* Gerechtigkeit und aller *ächt* Menschenliebe». Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik. A. a. O. S. 106.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Keine Handlung kann ohne zureichendes Motiv geschehen; so wenig, als ein Stein ohne zureichenden Stoß...» Schopenhauer, Arthur. Die beiden Grundprobleme der Ethik. a. a. O., S. 103.

¹⁰⁹ „Um nun aber doch jene Begriffe zu begründen, geht er so weit, zu verlangen, daß der *Begriff der Pflicht*, selbst ach der *Grund der Erfüllung* dieser, also *das Verpflichtende* sei.“ Schopenhauer, A. Die beiden Grundprobleme der Ethik in 2 akad. Preisschriften: 2. Preisschrift über die Grundlage der Moral. Hamburg: Meiner 1979. S. 31.

Возможно по этой причине, продолжает с некоторой долей сарказма Schopenhauer, Kant и предлагает нам

«совершенно новый вид поступков, происходящих без всякого интереса, т. е. без мотива» и празднует этим «триумф своей автономии воли в построении моральной утопии под наименованием ‚царство целей‘, населённое одними разумными существами in abstracto, которые все вместе и каждое в отдельности постоянно хотят, ничего не хотя (т. е. без интереса) ...»¹¹⁰.

И современный немецкий философ Hermann Schweggenhäuser (Герман Швепенхойзер) соглашается с Schopenhauer(ом) в том, что кантовское понятие свободы вполне применимо для «фантастических существ, которые хотят действовать так, как они должны действовать, но которые не в состоянии действовать как существа, стоящие под давлением эмпирических мотивов»¹¹¹.

Все вышеназванные дифференции между этическими моделями Kant(a) и Schopenhauer(a) имеют, по моему убеждению, одну и ту же причину, которая имеет непосредственное отношение к понятию СМЕРТИ. Если основу философии Kant(a) образует существо *разумное, логичное* и, можно сказать, *бессмертное*, по крайней мере не

¹¹⁰ „Inzwischen feiert Kant (S. 74 ff.; - R., S. 62) den Triumph seiner Autonomie des Willens, in der Aufstellung eines moralischen Utopiens, unter dem Namen eines *Reiches der Zwecke*, welches bevölkert ist von lauter *vernünftigen Wesen in abstracto*, die samt und sonders beständig wollen, ohne irgend *etwas* zu wollen (d. i. ohne Interesse): nur dieses Eine wollen sie: daß Alle stets nach *einer* Maxime sollen (d. i. Autonomie).“ Schopenhauer, Arthur. 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 64.

¹¹¹ «Die Welt der Autonomie bleibt eine Welt phantastischer Wesen, die zwar handeln wollen, so wie sie sollen, die aber nicht handeln können wie die empirischen Wesen unter dem Zwang der Motivation». Hermann Schweggenhäuser. Schopenhauers Kritik der Kantischen Moralphilosophie. In: *Schopenhauer-Jahrbuch*, 69, Jg., 1988. S. 414.

задумывающееся о смерти, то в основе философской концепции Schopenhauer(a) стоит существо *страдающее, ранимое и смертное*. Мы имеем здесь дело не только с *этическими* дифференциями, но и с совершенно различными философскими позициями по отношению к понятию СМЕРТИ.

К тому же Kant, как считает Schopenhauer, упускает из виду, что любая (человеческая) ЦЕЛЬ рождается *человеческой* волей и возможна как ЦЕЛЬ лишь *по отношению* к человеческой воле¹¹². При это цели смертного существа существенно отличаются от целей «существа бессмертного». В контексте осознанно воспринимаемой смертности человек ставит перед собой совершенно другие этические цели, ценит другие вещи, чем человек, который не задумывается о мимолётности своего бытия. Хотя «не задумываться» об этом человеку совершенно непросто, ведь ВОЛЯ «напоминает» ему постоянно ему об этом.

Для Schopenhauer(a) ВОЛЯ — это также природа человека *в себе*, «это — *умопостигаемый характер*, который равномерно присутствуя во всех деяниях индивидуума и отражаясь во всех них, как печать в тысяче оттисков, определяет *эмпирический характер* этого явления...»¹¹³. Умопостигаемый характер оставляет свои «следы» во всех действиях человека, которые по этой причине являются не случайными, а *характерными* (т. е. зависимыми от характера человека) действиями.

ESSE и OPERARI

Причины всех действий человека необходимо искать, таким образом, «в его характере, который являясь *esse* (бытиём), проявляет

¹¹² «Jeder Zweck ist es nur in Beziehung auf einen Willen, dessen Zweck, d. h. wie gesagt dessen direktes Motiv er ist». Schopenhauer, A. 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 59.

¹¹³ Шопенгауэр, А. Две основные проблемы этики. С.87. Im Original: Schopenhauer, Arthur. 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 74.

себя как *operari* (в действии)»¹¹⁴. Отсюда шопенгауэровская фраза — «Was man tut, folgt aus dem, was man ist», что означает, «как человек поступает, следует из того, каков он есть». Его поступки — следствие его *сущности*.

Schopenhauer признаёт несомненные заслуги Kant(a), «благодаря которому, мы, собственно, освобождаемся от основного заблуждения, которое необходимость относило к *esse*, а свободу к *operari*, и приходим к признанию, что дело обстоит как раз наоборот»¹¹⁵.

Всё, что делает человек, «совершается необходимо. Но в его *esse* лежит свобода. Он мог бы быть иным, и в том, что он *есть*, содержится вина и заслуга»¹¹⁶, констатирует Schopenhauer. Возможно его действия были бы иными, «если бы только он сам был иным»¹¹⁷.

¹¹⁴ Центральный тезис философии Шопенгауэра, образующий фундамент его этической концепции, следующий: „*operari sequitur esse* [Was man tut, folgt aus dem, was man ist]; d. h. jedes Ding in der Welt wirkt nach dem wie es ist, nach seiner Beschaffenheit, in welcher daher alle seine Äußerungen schon *potentia* [In der Möglichkeit] enthalten sind, *actu* [in Wirklichkeit] aber eintreten, wann äußere Umstände sie hervorrufen; wodurch denn eben jene Beschaffenheit selbst sich kund giebt. Diese ist der *empirische Charakter*, hingegen dessen innerer, der Erfahrung nicht zugängliche, letzte Grund ist der *intelligible Charakter*, d. h. das Wesen *an sich* dieses Dinges.“ Schopenhauer, A. 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 75.

¹¹⁵ Шопенгауэр, А. Две основные проблемы этики. С. 88. Orig.: „Durch *Kants* Theorie werden wir eigentlich von dem Grundirrtum zurückgebracht, der die Notwendigkeit ins *Esse* und die Freiheit ins *Operari* verlegte, und werden zu der Erkenntnis geführt, daß es sich gerade umgekehrt verhält.“ Ebd.

¹¹⁶ Там же. Orig.: „daher Alles, was er thut, nothwendig eintritt. Aber in seinem *Esse* [Sein], da liegt die Freiheit. Er hätte ein anderer *seyn* können: und in dem was er *ist*, liegt Schuld und Verdienst. Denn alles, was er thut, ergiebt sich daraus von selbst, als ein bloßes Korollarium...“ Ebd.

¹¹⁷ Шопенгауэр, А. Две основные проблемы этики. С. 88. Orig.: „denn er erkennt deutlich, daß hier, der Sache und den Anlässen nach, also *objective*, eine ganz andere, sogar eine entgegengesetzte Handlung sehr wohl möglich war, ja, eingetreten seyn würde, *wenn nur Er ein anderer gewesen* wäre.“ Schopenhauer, Arthur. 2. Preisschrift über das Fundament der Moral, a. a. O. S. 76.

СОВЕСТЬ

Эмпирическое подтверждение своему тезису Schopenhauer находит в понятии человеческой совести, угрызения которой, «возникая по поводу *operari*, всё-таки всегда направлены против *esse*. Так как мы сознаём за собою *свободу* лишь через посредство *ответственности*, то где содержится последняя, там же должна содержаться и первая, — стало быть, в *esse*. *Operari* находится во власти необходимости»¹¹⁸.

Совесть является понятием, оставившим свои заметные следы и в русской философии. Достаточно вспомнить философию Влад. Соловьёва, которую мы здесь, однако, будем рассматривать через призму философской концепции Евгения Трубецкого, оригинального мыслителя, потерявшего свою жизнь в 1920 г. в хаосе Гражданской войны. Философские «следы» привели нас, таким образом, в Россию начала 20-го столетия.

В России конца 19-го и начала 20-го вв. Kant и Schopenhauer продолжают определять нравственный дискурс, что мы и замечаем в рассуждениях Е. Трубецкого, который открывает явное родство между принципами философии Влад. Соловьёва и А. Schopenhauer(a). Ведь основу человеческой нравственности в обеих философских концепциях образуют типично *человеческие* чувства — у Schopenhauer(a) чувство *сострадания / милосердия* ко всему живому, у Влад. Соловьёва чувства *стыда*, которое на более высокой ступени развития перерастает в чувство *совести*. Оба философа понимают, что холодный кантовский «Разум» не в состоянии заменить этих чувств. Насколько они были правы, показывает опыт, наделённого разумом, но лишённого чувств сострадания и жалости, кровавого 20-го столетия.

¹¹⁸ „Daher wird vom Gewissen, zwar auf Anlaß des Operari, doch eigentlich das *Esse* entschuldigt. Da wir uns der Freiheit *Freiheit* nur mittels der *Verantwortlichkeit* bewußt sind; so muß, wo diese liegt, auch jene liegen: als im *Esse*. Das *Operari* fällt der Notwendigkeit anheim.“ Ebd.

Однако Е. Трубецкой тут же замечает, что умопостигаемый характер Schopenhauer(a) лишает человека какого-либо шанса на самосовершенствование, потому что его принцип «что человек есть, так он и поступает», исключает перспективу саморазвития к божественному. Человек остаётся до своей смерти тем, «чем он является», подчиняясь своему *esse*.

Философская же концепция Влад. Соловьёва включает в себя элемент *безусловного*, открывая человеку перспективу «божественного развития»¹¹⁹. Именно это открытие, что «как существо разумное человек есть существо *безусловное в возможности*»¹²⁰, является, по мнению Е. Трубецкого, одной из важнейших мыслей нравственной философии Влад. Соловьёва:

«Кант и Шопенгауэр признавали свободу человека *как* умопостигаемого существа; но им не приходило в голову, чтобы человек *мог быть свободен от собственной сущности!* Между тем такова мысль Соловьёва»¹²¹.

Умопостигаемая сущность человека — это его божественная идея, которую он *может* усвоить, а может и не усвоить. Но в любом случае идея эта перестаёт быть для него *сущностью*, а становится его *возможностью*, которая не только предопределяет действия человека, а становится для него обязанностью¹²², говорит Трубецкой.

¹¹⁹ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.102.

¹²⁰ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.174.

¹²¹ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.186.

¹²² Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.187.

Но на все эти рассуждения Е. Трубецкого уже сейчас падает мрачной тенью мысль о смерти, которая зачёркивает все «возможности» человека, оставляя ему в качестве доминирующей перспективы только одну единственную возможность — «возможность» смерти. Е. Трубецкой позже вернётся к этой теме. Пока же он анализирует лишь различия в интерпретации понятия свободы у Schopenhauer(a) и Kant(a), констатируя, что у последнего свобода «может иметь реальный смысл только в том случае, если я могу начать во времени нечто безусловно новое, т. е. такой ряд событий, который бы совершенно не имел причин в прошедшем». А учение Schopenhauer(a) о том, что человек свободен только в своём бытии (*esse*), а не в действии (*operari*), очевидно противоречит этой кантовской формуле¹²³. Если мы будем

«последовательно стоять на той точке зрения, что свободы *нет в явлениях*, что она свойственна только миру сверхвременных сущностей; но в таком случае», продолжает Е. Трубецкой, «нам придётся признать, что свобода вообще не есть начало деятельное, не есть *умопостигаемая причинность*, что она есть только *в бытии, но не в действии*. Мы уже знаем, что такова точка зрения Schopenhauer(a); но с нравственным учением Канта она находится в непримиримом противоречии...»¹²⁴.

Но Е. Трубецкой не только анализирует философию свободы своих предшественников, а он обосновывает и свою собственную теорию, которая, кстати, ярко отражает дух его собственной эпохи. Начало 20-го столетия в России — время упорной борьбы за свободу или свободы. Философская мысль здесь тесно связана с политической мыслью. Мысль Трубецкого в этом случае не составляет исключения.

¹²³ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.139.

¹²⁴ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва. С.141.

Е. Трубецкой убеждён, что (1) в борьбе за свободу человек развивает свою «сущность», потому что, борясь за свободу, он стремится достичь не материальное, а осуществить «непреходящие мировые ценности»¹²⁵. Кроме того, (2) борьба за свободу является подвигом человека, в котором «личность перерастает самоё себя, ибо она вращается в мировое целое и увековечивает себя в нём»¹²⁶. И последнее, (3) в борьбе за свободу человек преодолевает свой природный страх и этим приближается к *бессмертию*.

Однако, говорит Е. Трубецкой, хотя в обществе и утвердилось мнение, что его непреходящей ценностью является свобода, мнение это ошибочно, потому что

«как бы ни велика была ценность свободы, ясно, что сама по себе она не может быть последнею, окончательною целью нашего существования. Её ценность не в ней самой, а в человеке, для которого она предназначена служить орудием»¹²⁷.

Поэтому, говорит Е. Трубецкой, **человек есть «существо достойное свободы»**. И, требуя для себя свободы, он этим самым заявляет о своём коренном отличии от природы¹²⁸.

Но человек может быть *свободен* только по отношению к «чему-то» и его свобода есть всегда свобода от «чего-то». *Свобода*

¹²⁵ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. К годовщине смерти кн. С. Н.Трубецкого // Из вступительной лекции, читанной в Московском университете // Сб. статей «Два зверя» 1906 – 1919 гг. М.: Изд. «Республика», 1994. С. 293.

¹²⁶ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 293.

¹²⁷ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 294.

¹²⁸ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 294.

лишь подчёркивает особый характер отношения человека к «чему-то», например, к природе или к Богу, утверждает Трубецкой.

Суть человеческой свободы определяется характером отношения человека к высшим или низшим силам. Однако в философии Влад. Соловьёва связь между Богом и человеком мыслится как *данная*. И по этой причине она принципиально исключает *свободу*, становясь *необходимостью*. Доведённая до конца метафизика «Чтений о богочеловечестве», разрушает свободу с обеих концов, потому что,

«если сущность человека, как и всего сотворённого, есть божественная идея, то Бог несвободен от человека, потому что человек есть его необходимое явление; также человек несвободен от Бога, потому что божественная идея — часть всеединого божественного организма — есть его сущность»¹²⁹.

Соловьёвская интерпретация идеи свободы ведёт к тому, что здесь, в конце-концов, «ни божественная суть не может отрешиться от своего необходимого явления, ни тем более явление не может стать в какой-либо степени самостоятельным по отношению к своей сущности»¹³⁰, говорит Трубецкой. Более того, Бог в Соловьёвской интерпретации, становится виновником зла, совершённым его «явлением».

Отношение человека к богу, считает Е. Трубецкой, должно мыслиться как обоюдно *свободное*: «сочетание Бога с миром и с человеком утверждается не как от начала данное, в вечной

¹²⁹ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва.С.259.

¹³⁰ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва.С.259-260.

¹³⁰ Трубецкой, Е. Мирозерцание Вл. С. Соловьёва.С.260.

божественной сущности, а как *должное*, к чему и Бог и человек приходят через свободный богочеловеческий подвиг»¹³¹.

Таким образом Трубецкой освобождает человека от его абсолютной зависимости от Бога, но не от обязанности стремиться к *божественному*. И освобождает Бога от ответственности за деяния человека, но не от ответственности за ЧЕЛОВЕКА. Принципу *долженствования* подчиняется у Е. Трубецкого как человеческая, так и божественная сущность.

Но на этом мы завершим наш анализ понятия СВОБОДЫ и обратимся к теме СМЕРТИ, которая красной нитью проходит через все наши лекции.

3.2 Понятие «смерть» в философии I. Kant(a) и A. Schopenhauer(a)

В философской концепции Kant(a) феномен смерти играет двоякую роль — с одной стороны смерть выступает у него как СУБЪЕКТ, а с другой стороны, как ОБЪЕКТ человеческого действия.

Роль ОБЪЕКТА смерть принимает тогда, когда она вызывается волей человека, например, самоубийством. Нравственную оценку самоубийству мы, исходя из принципов Кантовской философии, должны давать в соответствии с максимой, которая могла бы принять форму всеобщего закона: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом». На основе этой максимы феномен суицида, без сомнения, подлежит нравственному осуждению.

¹³¹ Трубецкой, Е. Свобода и бессмертие. С. 294.